

Е.И. Белая (Барановичи, Беларусь)

Профессия персонажа в белорусской прозе первой трети XX века: социальная значимость и эстетико-философская ценность

Аннотация: В художественной литературе профессия персонажа обычно не только обозначает его социальный статус – она имеет и символично-метафорический смысл. Автор статьи обращается к распространенным с начала XX в. в социокультурном пространстве Беларуси профессиям учителя, врача, землестроителя, почтальона, селькора. Герои, имеющие ту или иную профессию, рассматриваются в аспекте проблемы самореализации личности, ее участия в социальном творчестве. Цель проведенного исследования – показать, что при типологии персонажей в прозе изучаемого периода важно учитывать как их профессию, так и систему ценностей, а сама профессия имеет не только конкретно-исторический, но и общечеловеческий, вневременной смысл, и на этой основе можно установить системные связи. К анализу привлекается творчество Я. Коласа, К. Чорного, М. Горецкого и других известных белорусских прозаиков.

Ключевые слова: персонаж, профессия, социальная роль, концепция личности, художественный тип, черты индивидуальности, символичность, метафорический смысл

E.I. Belaya (Baranovich, Belarus)

A character's Profession in the Belarusian Prose of the First Third of the 20th century: Social and Aesthetic Philosophical Value

Abstract: In fiction, a character's profession is indicative of a character's social role, and it has a symbolic and metaphorical meaning. This article explores the professions that were widespread in the social and cultural space of Belarus since the early 20th century – a teacher, doctor, postman, village correspondent. Some professions are considered from the perspective of a person's self-realization, their participation in social creativity. The research aims to prove that it is important to take into account both the system of values and the professional background of the heroes while forming a typology as profession itself has a historical, universal, or timeless meaning. The article serves to establish systemic links between the Belarusian novelists Ya. Kolas, K. Chorny, M. Garetsky, to name just a few.

Key words: character, profession, social role, concept of personality, artistic type, personality traits, symbolism, metaphorical meaning

Человек вообще, отмечал Алесь Адамович, это абстракция. А реальность – люди, «социально и морально “окрашенные” в цвета своего класса, своего общества, своего времени»¹. В переходные эпохи, к каким относится первая треть XX в. в Беларуси, персонажи обычно представлены в их социально определенных ролях, при том что они наделены индивидуальными, часто противоречивыми, чертами характера. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, если социальная личность – это набор функций, психологическая роль – единство, то литературная роль – это «тождество концепции человека и формы, которая ее выявляет»².

Для белорусских писателей первой трети XX в. характерно внимание к *профессии* создаваемых ими персонажей. Часто изображается *учитель*. Он представлен галереей ярких образов-характеров в трилогии Якуба Коласа «На росстанях». Два основных типа учителя метафорически определены как «болотная вода» и «родниковая струя». Довольно распространен и тип «неразумного» учителя, которому в белорусском фольклоре соответствуют студиозус – персонаж народного театра и школяр, проигрывающий в споре с крестьянином. В высмеивании профессии отразилось недоверие крестьянства к «ученым» людям и пассионарным личностям, что на себе испытали многие героини-интеллигенты. Якуба Кубраковича, «неразумного» учителя из одноименного рассказа Максима Горьцкого, сделала таковым людская молва. Говорили и то, что он сам притворился дураком, испугавшись кары за вольнодумство, а в итоге и стал таким, пропал человек...

Учитель был тотально подконтрольным и зависимым от разных инстанций, и большинство учителей дорожили своим статусом, делаясь опорой консервативной идеологии, превращаясь в «болотную воду». Таков учитель-монархист в романе Михася Зарецкого «Стежки-дорожки», призывающий молодежь к антисемитским выступлениям. Но, конечно, классиками белорусской литературы создавался и художественный тип человека с передовыми социально-политическими и педагогическими взглядами.

Часто в произведениях подчеркивается однообразие учительского труда, которое влияет на личностные качества персонажей. Дореволюционный учитель Зубрицкий в повести Лукаша Калюги «Недоля Заблоцких» – это «детский страх»³, человек злой и большой мастер «лапу» давать, бить деревянной линейкой по ладоням. Этот «пожилой хлопец», раздумывая над своей жизнью, пришел к выводу, что живет только в нудном, неинтересном предисловии, и загорелся мечтой открыть новую главу жизни, в которой возможны события, достойные удивить мир. По своему духовному содержанию этот тип персонажа можно условно назвать переходным между теми, которые выделил Якуб Колас. В амбивалентном образе Зубрицкого воплощена драма человека, лишённого участия в социальном творчестве.

Неоднозначно изображается учительство в период «тройственной» войны, которая создает угрозу гуманистической сущности профессии. Некоторые представители учительства занимают место в рядах «милитаризованного», по выражению Н. Бердяева, антропологического типа, который нашел себя в стихии революции и/или гражданской войны. В «Белой гвардии» М. Булгакова таков Козырь.

¹ Адамович А. Кузьма Чорный // Адамович А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1982. С. 203.

² Гинзбург Л.Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. С. 56.

³ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. С. 250.

До войны он был плохим учителем, «жестоким и нудным», к 1917 г. дослужился до офицера, а в 45 лет наконец попал на «свое» место, надев френч полковника петлюровской армии. А произошло так потому, что война для него была призванием, а учительство – «долгой и крупной ошибкой»¹. Совершенно иными мотивами движим пастернаковский Антипов-Стрельников («Доктор Живаго»).

В белорусской прозе целостный образ «милитаризованного» учителя отсутствует. Здесь можно встретиться, скорее, с замаскированным врагом: так, под личиной отца Димитрия в романе З. Бядули «Язеп Крушинский» (1929–1931) скрывается поручик, который до войны был учителем. В повести М. Горецкого «Тихое течение», наоборот, бывший унтер-офицер по окончании службы становится учителем. Белорус по происхождению, он, однако, жестоко наказывал детей за использование двенадцати «самых нелюбимых для него здешних»² слов. И всё же, провозжая на войну своих бывших учеников, целовал их, глядя, как и все, в сторону...

В художественной литературе отразилась официальная тенденция преувеличивать революционность учительства. В. Набоков иронично констатирует в эссе «Торжество добродетели», что сельский учитель часто старательно ищет истину и находит ее в коммунизме. Подобным путем проводит своего героя, молодого учителя Андрея Лобановича, Якуб Колас. Лобанович «и сам знает, что рано или поздно, а стать ближе к какой-либо революционной организации ему придется. Он чувствует, что надо сделать некий новый шаг в жизни, шаг важный и опасный»³. Слова «придется» и «надо» маркируют не свободный выбор персонажа, а его вынужденную идентичность.

«Обрыдливые с ненавистными детьми»⁴ проходят годы Никифора Высоковича (роман Л. Калюги «Пустодомки»). До революции учитель так и не осуществил своей мечты об университете, а в начале 1920-х на прежней должности волостного «совслужа» оформлял браки и разводы, выдавал свидетельства о смерти. В романе они названы «паспорта на тот свет», а это одна из метафор расстрела – по формулировке того времени, «вышей меры социальной защиты». Учитель участвует в раскулачивании, в том числе семей бывших учеников, и в разговоре с одним из них философствует: «Надо подчиниться. Всё великое возводилось руками невольников». Он советует отречься от родни и стараться «достать справку»⁵. Высокович – человек во френче, которого он не снял и перейдя из чиновников в учителя. Дальнейшая судьба персонажа неизвестна по причине незавершенности романа, но некоторые детали позволяют предположить, каким именно образом он станет самоутверждаться в антигуманную эпоху.

Вместе с тем авторы акцентируют и общечеловеческое, вневременное в профессии учителя. Цокур («Зона молчания» С. Граховского) служил в армии во внутренних войсках, но за какое-то нарушение сам был осужден и в наказание назначен начальником лагеря, что для честного человека с доброй душой было трагедией.

К созданию образа профессионального ученого белорусская проза только подступалась. Студент-медик Архип Линкевич («Родные корни» М. Горецкого) сомневается, что наука может дать ответ на все «проклятые» вопросы: ведь, зная всё о человеке, создать его она не способна! В образе «профессора»-ворона («На всё есть причина») Я. Колас воплощает растерянность сторонников эволюции перед

¹ Булгаков М. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск: Худож. лит., 1988. С. 116.

² Горецкий М. Тихое течение // Горецкий М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1984. С. 140.

³ Колас Я. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. Минск: Беларус. наука, 2011. С. 365.

⁴ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 452.

⁵ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 454.

слепой силой стихийного бунта. Персонаж М. Горецкого, «многоученный» пан Беляевский из Петербурга (рассказ «Родные корни»), не пренебрегает простым народом. Профессор Старобыльский (рассказ «Неразгаданные люди»), в отличие от комиссара, сочувствует нищему. В прозе З. Бядули и К. Чорного есть аллюзии на личности некоторых выдающихся, как принято было говорить, марксистских ученых. Концепцию образа ученого существенно уточнил Платон Головач в романе «Сквозь годы», показав научную среду дореволюционного времени и периода социалистического строительства. Инженер Протасов в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» замечает: наука – великая вещь, в которой нет мелочей, в отличие от политики – «дела наносного, случайного...»¹. П. Головач не только одним из первых в белорусской прозе показал назревающее противостояние науки и политики, но и значительно углубил психологизм в изображении ученого. Характер поднятых в романе проблем, в том числе острая для 1920-х проблема «интеллигенция и эмиграция», делают роман «Сквозь годы» созвучным прозе русского зарубежья.

«Научный человек» в изображении А. Платонова (рассказ «Усомнившийся Маркар») – весьма ёмкий и выдающийся по эмоционально-критической силе символ абстрактного знания, в жертву которому приносятся интуиция, фантазия, чувство, необходимые для полноты восприятия мира. М. Горецкий также отмечает, что у его заглавного героя (рассказ «Старый профессор») холодный ум и каменное сердце: он поставил на карту жизнь молодой жены, не желая прислушаться к доводам народной медицины. И всё же в финале рассказа побеждает сердечное чувство, а значит, жизненная гармония достижима. Ученый в рассказе Д. Хармса «Судьба жены профессора» служит не в научном учреждении, а в какой-то конторе и так же беспомощен перед бюрократами, как и всякий «маленький» человек. В подтексте романа З. Бядули «Язеп Крушинский» заложена мысль об угрозе для науки, судьбу которой решают представители одной из актуальных «свободных» профессий революционных и послереволюционных лет – активисты-ораторы, в равной мере искренние труженики на любой ниве, будь она колхозная либо культурная. Их стараниями на смену «бывшим» профессорам приходит «красная профессура» – люди, по словам М. Осоргина, большой воли и малой грамотности.

В отдельных произведениях белорусской прозы изображен *врач*; эта профессия также получает символическое истолкование. В христианстве Бог, заботящийся о людях, сравнивается с умелым врачом, который для всякой человеческой немощи предполагает индивидуальное лечение. Введение в сюжет персонажей-докторов обусловлено в прозе «эпохи рубежа» мотивами болезни и безумия как метафорическими состояниями личности кризисного времени. М. Волошин призывал помнить, что «знамена, партии и программы / То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома»². В прозе М. Горецкого присутствие персонажа-доктора маркирует проблему национальной идентичности. Студент-медик Архип Линкевич («Родные корни») решает трудиться на Беларуси и собирать материалы о духовной жизни своего народа. В рассказе «Русский» действие происходит в Первую мировую войну. Незадачливый вояка-белорус повредился рассудком, застрелив австрияка (на самом деле, украинца из Галиции). Бедолага неустанно повторяет: «Я русский! Русский!» Но его «недуг» непонятен врачу, лишенному чувства национального самосознания.

¹ Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989. С. 551.

² Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. Минск: Худож. лит., 1993. С. 158.

В романе К. Чорного «Сестра» изображен бывший комиссар, а ныне *парикмахер* (*цирюльник*) Абрам Ватасон. Цирюльники в Средние века имели право заниматься малой хирургией, делать кровопускания. Для комиссара-цирюльника Ватасона в человеке важна «обостренная твердость», а это качество хорошего ланцета. Хирург, «человек с ланцетом», – символический субъект исправления несовершенной действительности. Однако еще М. Монтень предупреждал об опасности желая одним махом вылечить расшатанную большими переменами державу. Неистовым Хирургом» назвал М. Волошин Петра Первого в поэтическом цикле «Пути России». Ватасон у К. Чорного – вариант типа «человека с ланцетом», заслуживающий номинации «человек с ланцетом во френче». Как говорит он приятелю-врачу Казимеру, «кого куда поведет потребность наша: ты пойдешь лечить, а я пойду брить и стричь»¹. По сюжету, от бритья лиц бывший комиссар возвращается к социально-преобразовательной практике – «над перестройкой города ломает голову»².

События «тройственной войны» и периода репрессий придали значимости профессии *почтальона*. Индивидуально-личностное и социально-типическое сочетаются в образе чрезмерно любопытного «почтаря» Гаврущика (роман Л. Калюги «Пустодомки»), который грел чужие письма над сваренной картошкой и, распечатывав, читал. Часто он не понимал написанного, но очень уж хотел дойти до сути. Сильно пахли вареной картошкой и письма, что приходили из ссылки («видимо, был в Минске – да и один ли! – Гаврущик»³). Детали намекают на перлюстрацию писем: как известно, с царских времен в качестве «вспомогательных агентов», «стукачей» использовались почтальоны, а также дворники, швейцары, конторщики.

Имеют дополнительный смысл и профессии, связанные со службой на *железной дороге*. Она воспринимается не только как знак цивилизации. В характере «одержимого» машиниста Андрея Летуна Михась Лыньков воплотил извечное стремление человека заглянуть за горизонт, узнать предел своих возможностей, подобно тому, как это сделал Л. Андреев в рассказе «Полет». Машинная тематика не отменяет гуманизма в мировоззрении белорусского прозаика, что выявляется и в характере машиниста, и в приемах его обрисовки. В отдельных произведениях М. Лынькова, Я. Коласа, Л. Калюги уделено внимание будочнику на железной дороге. Эту профессию «примеряет» на себя чудака-мечтатель у Л. Калюги, видя в ней одну из ипостасей «человека свободного», который добровольно отрекся от людской суеты и спокойно созерцает ее со стороны. Однако такой идеал свободы для общественного человека недостижим вообще, а особенно в 30-е гг. прошлого века.

Закон 1911 года о землеустройстве актуализировал профессию *землемера* (*каморніка*). Часто каморники представлены как собирательный образ. Хотя крестьяне стремятся угождать каморникам, обычно проходят проекты, выгодные землевладельцам. Каморник в рассказе Я. Коласа «Нёманов дар» – пан старой закалки, строгий на вид, в шляпе с пером. И хотя он действует не в интересах селян, в авторском повествовании отражается уважение к профессиональным принципам героя и его достойному поведению, что не могло конструктивно не повлиять и на разгневанную толпу. В повести М. Горецкого «Меланхолия» характер землемера-наставника более многогранный, психологически глубокий. Он стремится сделать практиканта настоящим человеком и специалистом, но в своем понимании, где нет места национальной самоидентификации. Неслучайно М. Горецкий

¹ Чорный К. Сестра // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск : Худож. лит., 1973. С. 20.

² Чорный К. Сестра. С. 267.

³ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 455.

высказывает мысль, что в «нашем освободительном движении учителя и литераторы еще долго будут более востребованы, чем землемеры и агрономы»¹.

Каморник намечен как один из ключевых образов в романе К. Чорного «Земля», к сожалению, недописанном. Крестьяне надеются, что молодому землемеру, уехавшему в город, опять доведется мерить их землю, да и сам он пишет любимой: «Когда-нибудь приеду, где я землю мерил»². Она же сообщает ему слухи о новом землеустройстве на будущий год, в связи с основанием коммуны. Рисуя привлекательный облик молодого каморника, К. Чорный подчеркивает его аккуратность, ум, самостоятельность. Они дают герою право на самую высокую оценку: «Это человек» – хоть и «не такой большой пан, сам, видимо, из мужиков»³. Импонируют стремление героя к образованию, личностной и профессиональной самореализации. Он не только намерен выйти из бедности и вывести из нее своих родителей, но и полон романтического рвения уничтожить бедность. М. Пришвин в записи от 1909 г. связывает образ землемера с пантеистическим началом творчества как способом гармонизации хаотичного мира, в котором сотни наблюдений «складываются в определенный порядок, подобно тому, как землемер одной протянутой линией отмеряет много отдельных измерений...»⁴. Лесным каморником назван герой романа К. Чорного «Сестра» Ватя Брониславец, который выбрал профессию таксатора – специалиста по учету и оценке леса. В одном из диалогов произведения звучит любимое сталинское выражение «Лес рубят – щепки летят». В данном контексте выбор профессии персонажа неслучаен, а его фразу «Леса меряю» можно оценить как манифест авторского гуманизма.

Особое место среди профессий нового времени занимает *селькор*, причем в роли не просто фиксатора событий, а «социального диагноста». В романе К. Чорного «Иди, иди» отмечается, что его работа очень нужна советской власти. Стать селькором предлагает грамотному подростку кулацкий сын Нахлябич, чтобы оболгать неугодного ему человека. Мальчишка сначала обрадовался доверию, но потом понял, что рискует стать орудием в нечистых руках. Профессия селькора в период Великого перелома была сопряжена с опасностью для жизни. Поэтому Никита в повести Я. Коласа «Отщепенец» написал в газете про кулака Чикилевича, не называя его по имени, придав ему общий характер классового врага. А. Мрый в сатирическом романе «Записки Самсона Самосуя» акцентирует внимание на том, что «адресанты» были неграмотными и задиристыми. Штатным селькором хочет быть «редакционный гость» в одноименном очерке К. Чорного. Вначале он принес корреспонденцию о самогонке и несоветских элементах, а по сути – поклёп на председателя сельсовета, который будто бы затаил на него злобу (это был нередкий мотив в освещении данной темы). Иным представлен юный редактор стенгазеты Зэнка в повести Л. Калюги «Одержимость». Его авторитет – Данила Неведомский, сотрудник одной из столичных редакций. Деревенские события начала 1930-х гг. оцениваются с точки зрения их моральной пригодности для корреспонденций: а вдруг «перед кем-то автору будет неловко»⁵. Сначала тем было мало, они появились с началом коллективизации, «но какие же тяжелые...»⁶. И Зэнка передает газету другому комсомольцу. Савка Солох, персонаж романа «Язеп Крушинский», бьется над

¹ Горецкий М. Меланхолия // Горецкий М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1984. С. 53.

² Чорный К. Земля // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск: Худож. лит., 1973. С. 524.

³ Чорный К. Земля. С. 323.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. С. 35.

⁵ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 518.

⁶ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 523.

проблемой, о чем и как писать. Его стихи и рассказы, посылаемые во все редакции, нигде не печатают, и он начинает думать, не дороже ли творчества «голая правда» статьи либо очерка? В финале романа Савка находит нужную «платформу», активно пишет и печатается.

Подведем некоторые итоги. В прозе первой трети XX века представлен в разнообразии индивидуализированных образов целый ряд профессий. Прежде всего это *учитель*, а также *ученый*. Выбор профессии персонажей мотивирован и реалиями времени, и идейно-эстетически. Сопоставление персонажей, сходных по профессии, но руководствующихся разными ценностями, дает основание для их типологии. Особое символично-метафорическое наполнение имеет тип *хирурга*, черты которого приписываются радикальным преобразователям общества. Реальность «эпохи рубежа» обусловила актуализацию таких профессий, как *почтальон*, *землеустроитель*, *машинист*, *селькор*. В переломное время между характерами, системами ценностей персонажа и его функциями или поступками возникают различные соотношения. Гуманистическая концепция героя предполагает наличие в нем черт *творческой личности*, противостоящей хаосу, вне зависимости от профессии, носителем которой он является.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович А. Кузьма Чорный // Адамович А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1982. С. 161–302.

Булгаков М. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск: Худож. лит., 1988. 670 с.

Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. Минск: Худож. лит., 1993. 479 с.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. 222 с.

Горецкий М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1984. 416 с.

Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. 607 с.

Колас Я. На роcстанях // Колас Я. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. Минск: Беларус. наука, 2011. 429 с.

Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989. 622 с.

Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.

Чорный К. Романы // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск: Худож. лит., 1973. 544 с.

REFERENCES

Adamovich A. Kuzma Chorny. In: Adamovich A. Collected Works: In 4 vols. Vol. 2. Minsk. 1982, pp.161–302.

Bulgakov M. (1988) The White Guard; The Master and Margarita: Novels. Minsk. 670 p.

Voloshin M. (1993) Selected Works: Poems, Memories, Letters. Minsk. 479 p.

Ginzburg L.Ya. (1979) On the Literary Hero. Moscow. 222 p.

Goretski M. Collected Works: In 4 vols. Vol. 2. Minsk. 1984. 416 p.

Kaljugha L. (1992) Works: A Novel, Stories, Short Stories, Letters. Mins. 607 p.

Kolas Jakub. At a Crossroads. In: Kolas Jakub. Collected Works: In 20 vols. Vol. 14. Minsk. 2011. 429 p.

Osorgin M. (1989) Time: Autobiographical Narrative. Novels. Moscow. 622 p.

Prishvin M. (1990) Diaries. Moscow. 480 p.

Chorny K. The Earth. In: Chorny K. Collected Works: In 8 vols. Vol. 3. Minsk. 1973. 544 p.

Chorny K. The Sister. In: Chorny K. Collected Works: In 8 vols. Vol. 3. Minsk. 1973. 544 p.

Сведения об авторе:

Елена Ивановна Белая,
канд. пед. наук, доцент

профессор кафедры филологии
БарГУ

Elena I. Belaya,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Assistant Professor,
Professor of the Department of Philology
Baranovichi State University (BarSU)

alba.57@mail.ru